

Т. С. РУДИЧЕНКО

*Ростовская государственная консерватория (академия)**им. С. В. Рахманинова*

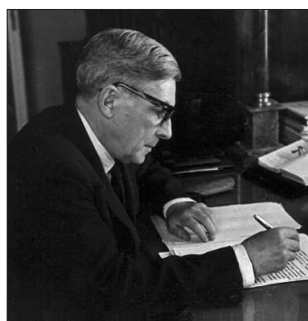
УДК 78.072.2

О МОИХ ВСТРЕЧАХ С Е. В. ГИППИУСОМ

Весной 1973-го, ещё в студенческие годы, за несколько месяцев до 70-летнего юбилея Евгения Владимировича Гиппиуса я познакомилась с ним. Возможно, наша встреча никогда бы не состоялась, если бы мне не довелось заняться фольклором.

В классе профессора Л. Я. Хинчин предметом изучения была камерно-вокальная музыка отечественных композиторов (С. Танеева, С. Рахманинова, Г. Свиридова). Первая фольклорная экспедиция, в которой я участвовала, оставила сильный эмоциональный след и смутила душу возможностью совершенно иного приложения сил и способностей. Некоторое разочарование в занятиях, где моя основательность и маленькие открытия оказывались ненужными, и то потрясение, которое я испытала, услышав казачье пение, подтолкнули к перемене сферы деятельности.

Подготовка доклада об экспедиции послужила стимулом к параллельным занятиям фольклором и зародила в «руководящих кругах» идею подготовки «своего фольклориста». Дальнейшую судьбу определил заведующий кафедрой истории музыки профессор Н. Ф. Орлов, направивший меня в апреле 1973 года на консультацию в Московскую консерваторию к А. С. Кабанову, занимавшемуся донским фольклором¹. Кабанов работал также и в Фольклорной комиссии Союза композиторов РФ, которую в 1971–1983 гг. возглавлял Е. В. Гиппиус. Благодаря Кабанову и состоялся мой первый визит к Гиппиусу.

Е. В. Гиппиус в кабинете

Евгений Владимирович жил в доме Союза композиторов на улице Студенческой. Переехав после снятия блокады из Ленинграда в Москву (в 1944 году), он перевез с собой некоторые из окружавших его в родном доме вещей. Старинная мебель – массивный письменный стол, на котором стояла настольная лампа с абажуром и письменные приборы, книжные шкафы, рояль, обитый голубым шёлком угловой диванчик и висевший над ним живописный портрет матери – придавала кабинету некую торжественность. Да и сам Евгений Владимирович с его воспоминаниями о старших современниках был своеобразной «страничкой Серебряного века», неся стандарты поведения ушедшей эпохи. Думается, не случайны строки из воспоминаний

его первой жены Е. Б. Черновой (Покровской): «Меня привлекала его интеллигентность, наследственная, привитая с детства, меня привлекали его хорошие манеры мальчика из хорошего дома» [4, с. 128]. Он происходил из древнего обедневшего аристократического рода. По словам Евгения Владимировича, их герб известен, по меньшей мере, с XVI века. Фамилия распространена преимущественно в Прибалтике и Скандинавии. Он любил подшучивать, что у него «лошадиная фамилия»². Какой-то из его предков – алхимик – облагородил её, переведя на латынь и изменив окончание на «иус».

Евгений Владимирович получил прекрасное домашнее образование, учился также в Тенишевском училище, где преподавал его отец Владимир Васильевич Гиппиус, служивший затем заместителем директора (по другим сведениям – директором) [1, с. 7]. Владимир Васильевич, как и его сестра, знаменитая поэтесса Зинаида Гиппиус, под разными псевдонимами писал стихи (больше на немецком языке), в определении В. Набокова – «замечательные» [2, с. 102], по мнению Е. Б. Черновой – плохие [4, с. 135]. Братья отца вращались в литературных кругах, Александр Васильевич – юрист и поэт, Василий Васильевич – известный литературовед и литературный критик.

Евгений Владимирович Гиппиус нередко рассказывал о впечатлениях детства и юности: о А. Блоке, бывавшем в их доме по пятницам, о Д. Мережковском и его жене З. Гиппиус, других поэтах и литераторах Серебряного века. Когда звучал очередной вопрос о родстве с Зинаидой Гиппиус, он с досадой замечал, что всю жизнь страдал из-за откровенно антисоветской позиции эмигрировавшей на Запад родственницы.

О программе обучения в училище и царившей в нём атмосфере выразительно высказался В. Набоков [2, с. 101–102]. В числе несомненных достоинств было изучение древних языков – греческого и латинского, что позволяло в дальнейшем легко осваивать новые. Относительно Гиппиуса ходили слухи, что он владел тридцатью тремя языками. Вероятнее всего это число правильнее считать символом «неисчислимого множества». Сам Евгений Владимирович говорил, что знал по три языка из нескольких языковых групп (германской, романской, славянской, тюркской, финно-угорской).

Звучные имена тех, у кого учился и с кем работал Евгений Владимирович (М. В. Юдина, Н. А. Малько, М. О. Штейнберг, Б. В. Асафьев, В. М. Жирмунский), вызывают невольное восхищение. Едва ли не самое значительное место в памяти Евгения Владимировича

занимал Борис Владимирович Асафьев, у которого они с З. В. Эвальд учились и с которым их связывала многолетняя дружба. Именно Асафьев приобщил его к работе по собиранию и изучению фольклора. Вместе они совершали пешие прогулки, проходя в день до тридцати вёрст, обсуждая научные проблемы, ещё не осуществлённые планы и тексты, над которыми Асафьев работал. Сильное влияние Бориса Владимировича ощущается в ранних работах Гиппиуса и Эвальд. Наверное, в эти годы и была им усвоена привычка излагать суждения, оттачивать формулировки, шагая по комнате взад и вперёд.

Самые тяжёлые годы Великой Отечественной войны и пережитой в Ленинграде блокады пришлись на ту часть его жизни, которая должна была стать самой продуктивной. Но, к сожалению, все силы были направлены на выживание. Евгений Владимирович считал, что остался жив только благодаря счастливому случаю и тренировке сердца – километрам, пройденным в юности во время зимних каникул по лыжным трассам Финляндии и дальним пешим путешествиям.

Что же до моих занятий с Гиппиусом, то с первой встречи Гиппиус нацелил меня на определённую тему: проведение сравнительных исследований «по следам» донского фольклориста А. М. Листопадова. Перед Великой Отечественной войной он готовил к изданию и редактировал вместе с З. В. Эвальд и А. М. Астаховой его свод «Песни донских казаков». Эта работа затянулась вследствие неразрешимых сомнений относительно достоверности записей музыкальных и поэтических текстов и не была завершена в установленные издательством сроки. Поэтому ему хотелось посредством предложенного мне направления исследования получить ответы на возникшие в ходе редактирования рукописи вопросы. Он также хотел, чтобы я поработала в архивах с материалами, которые он не смог получить от Листопадова, поскольку тот при жизни держал всё в своих руках³.

Летом 1973 года я приступила к осуществлению плана и сделала первые записи в станице Краснодонской (бывшей Екатерининской). Привезённый из экспедиции весьма интересный и разнообразный в жанровом отношении материал (былинный и военно-бытовые, свадебные песни, причитания) был показан в Москве Кабанову и Гиппиусу. От Б. Борисова⁴, учившегося курсом старше, знакомого с В. Л. Гошовским и Е. В. Гиппиусом, я узнала, что для Евгения Владимировича главным критерием вхождения в фольклористику было наличие «интонационного слуха» и способность собирателя запомнить и петь записанные песни без специального заучивания. Он считал, что когда такого рода музыка не откладывается в памяти, заниматься ею нельзя. Помню, что и меня просили спеть, что смогу. Облегчила выполнение этой задачи закончившаяся в экспедиции плёнка, в отсутствие которой я коротала время до отъезда пением с народными исполнителями. В результате песен запомнила много и одно из главных испытаний прошла успешно.

Надо сказать, что подобного рода темы, благодаря необходимости применения разных методов (источни-

коведческая работа в архиве, полевое исследование, обработка и аналитическое обобщение материала) способствуют ускоренному и разностороннему развитию. Со студенческой скамьи я попала в архив, познакомилась с материалами экспедиций А. М. Листопадова и С. Я. Арефина 1902–1904 гг. Потом в разных аспектах приходилось неоднократно возвращаться к этой теме, потому что осмыслить и описать всё сразу невозможно. Гиппиус подсказал и другой – динамический аспект традиционной культуры, её изменение во времени – в фиксации Листопадова, и в том, что записываем мы (по разным параметрам – репертуар, многоголосие, обряды и т. д.). Конечно, в то время сделать качественно эту работу я вряд ли могла, поэтому продолжала её позднее, хотя она не имела отношения к теме, над которой я работала в аспирантуре института им. Гнесиных.

Официально руководителем моей дипломной работы был А. С. Кабанов, но текст создавался в занятиях с обоими. Кабанов показал мне методику полевого исследования (основы которой, в свою очередь, были заложены Гиппиусом), принципы нотирования, помог в анализе репертуара. Принципы жанровой классификации были определены Евгением Владимировичем, он проверял и текст, который я писала, и нотации экспедиционных звукозаписей, отмечая, на что ещё нужно обратить внимание (паузирование, дыхание, певческие приёмы).

Общаясь с молодыми коллегами, он указывал на необходимость досконального знания сделанного предшественниками, изучения современной, в том числе иностранной литературы, высоко ценил общую образованность, приводя в пример Юрия Николаевича и Валентину Николаевну Холоповых, Изалия Иосифовича Земцовского, а из молодых – Игоря Владимировича Мацеевского.

Поскольку далеко не все кандидаты в фольклористы отличались ясностью и логичностью мышления, он рекомендовал работать с учебником логики. Редкие книги из своей библиотеки и некоторые из своих неопубликованных работ он давал «на дом», присылал по почте или передавал с поездом. Кроме того, Евгений Владимирович давал разные поручения (в частности по работе в архиве) по темам, выполнявшимся в рамках издательских проектов.

Поскольку я постоянно жила в Ростове, наше общение происходило во время моих приездов в Москву, на конференциях, семинарах Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР. Мы также переписывались.

Конечно, Е. В. Гиппиуса невозможно сравнить ни с кем другим. У него была идея создания научной школы в масштабах страны – подготовить специалистов для регионов, автономных и союзных республик Советского Союза, которые могли бы работать по единой методике. Он дорожил каждым приезжавшим из провинции человеком, если видел, что у него есть слух, память, что он может заниматься фольклором. Ему это действительно удалось: в Азербайджане и Белоруссии, Татарстане и Мордовии, Туве и Хакасии, Кабардино-Балкарии, на Дону и Кубани и других краях трудятся учёные, исповедующие исследо-

Ленинградская область, г. Кириши. 25 февраля 1978 года⁵.

В первом ряду сидят: Е. В. Гиппиус шестой слева; слева направо – Краснопольская Т. (Петрозаводск), Геворкян Е. [Дорохова] (Москва), Бадмаева Т. (Элиста), Красовская Ю. (Москва), Мациевский И. В. (Ленинград), Кабанов А. С. (Москва), Резниченко Е. (Москва), Рогачевская Е. (Ленинград), Мальми В. (Петрозаводск).

Во втором ряду стоят: Бойко Ю. (Ленинград), Симакова И. (Петрозаводск), Терёхина Н. (Москва), Якунина Г. (Курск), Руднева Е., Васильев В. (Беломорск), Садыкова В. [Юнусова] (Владивосток), Рудиченко Т. (Ростов-на-Дону), Дюдюк Е. (Львов), Енговатова М. (Москва), Лобанов М. (Ленинград), Бродский И. [Богданов] (Москва), Субаналиев С. (Фрунзе – Бишкек).

вательские принципы Е. В. Гиппиуса. Это не обязательно были его ученики. К нему обращались за советом, помощью, консультациями Б. Б. Ефименкова, Е. Е. Васильева, В. Г. Захарченко, М. А. Лобанов, И. В. Мациевский и многие другие. Хотя на Украине были свои сильные фольклористические традиции, заложенные Ф. Колессой, к нему обращалась, например, С. И. Грица⁶.

Евгений Владимирович Гиппиус оказывал самое сильное влияние на всех, кто с ним соприкасался. Если бы судьба не свела меня с Гиппиусом, думаю, что учёным я, может быть, и стала, поскольку имела природную склонность к размышлению, способность к обобщению, но это – качества совершенно иного рода. За Гиппиусом стояли очень крупные имена и научные традиции. Он давал всему какое-то иное измерение, открывал научные горизонты («другие берега»). Наверное, даже приобщение к «клану Гиппиусов» играло свою роль.

Е. В. Гиппиус – учёный с большой буквы, образованнейший человек, несмотря на все свои высоты, показывал абсолютно всё: как правильно описывать ис-

точники, как редактировать рукопись, каким клеем при этом лучше клеить... Объяснял, учил, как нужно писать, как обобщать. На вопрос, с чего начинать написание текста, рекомендовал «начать с главного» и писать текст от руки, не пользуясь машинкой, считая, что печатный текст приучает мыслить клише. Теперь, когда мы все работаем исключительно с клавиатурой, приходит понимание того, насколько он был прав. Он также прививал навыки подготовки научного издания фольклорных и этнографических материалов.

Наше активное общение с Е. В. Гиппиусом продолжалось 10 лет. Последний раз тепло и неформально с ним и его женой Мариной Михайловной мы беседовали в 1983 году, когда в научно-исследовательском отделе Ленинградского института театра музыки и кинематографии по инициативе И. В. Мациевского отмечался 80-летний юбилей учёного.

Евгений Владимирович дал мне очень много, оставил в моей душе глубокий след, и редок тот день, когда, работая, я его не вспоминаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кабанов Андрей Сергеевич – московский этномузыколог. В 1970-х гг. работал в Московской государственной консерватории и Фольклорной комиссии Союза композиторов РСФСР.

² От греческого *hippos* – лошадь. Е. Б. Чернова приводит другую версию, выводя фамилию из немецкого слова *Hengst* (жеребец) [4, с. 135].

³ История работы над рукописью «Песен донских казаков» освещена мною в статье [3].

⁴ Борисов Борис Петрович – доктор философских наук, профессор Краснодарского государственного университета культуры и искусств.

⁵ Участники Всероссийской конференции молодых фольклористов «Традиционный фольклор и современность» (20–26 февраля 1978), организованной Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР.

⁶ Грица Софья Иосифовна – украинский этномузыколог, доктор искусствоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорохова Е. А., Пашина О. А. Жизненный и творческий путь Е. В. Гиппиуса // *Материалы и статьи. К 100-летию со дня рождения Е. В. Гиппиуса*. М.: Композитор, 2003. С. 7–16.
2. Набоков В. В. *Другие берега*. М.: Книжная палата, 1989. 288 с.

3. Рудиченко Т. С. К истории публикации «Песен донских казаков» (Несостоявшаяся редакция) // *Памяти А. М. Листопадова*. Ростов н/Д: Gefest, 1997. С. 32–40.
4. Чернова Е. Б. «Я пишу то, что помню ...». *Воспоминания*. СПб.: Европейский Дом, 2011. 252 с.

REFERENCES

1. Dorokhova E. A., Pashina O. A. *Zhiznennyi i tvorcheskiy put' E. V. Gippiusa* [The Life and Artistic Path of Evgeny Gippius]. *Materialy i stat'i. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. V. Gippiusa* [Materials and Articles. Commemorating the Centennial Anniversary of the Birth of Evgeny Gippius]. Moscow: Kompozitor Press, 2003, pp. 7–16.
2. Nabokov V. V. *Drugie berega* [Other Shores]. Moscow: Knizhnaya palata Press, 1989. 288 p.
3. Rudichenko T. S. K istorii publikatsii "Pesen donskikh kazakov" (Nesostoyavshayasya redaktsiya) [Concerning the

- History of Publication of the "Songs of the Don Cossacks" (An Unaccomplished Publication)]. *Pamyati A. M. Listopadova* [In Memoriam A. M. Listopadov]. Rostov-on-Don: Gefest Press, 1997, pp. 32–40.
4. Chernova E. B. "Ya pishu to, chto pomnyu ...". *Vospominaniya* ["I Write what I Remember ...". Memoirs]. Saint Petersburg: European House Press, 2011. 252 p.

О моих встречах с Е. В. Гиппиусом

В статье, написанной на основе воспоминаний о творческих и дружеских отношениях с Евгением Владимировичем Гиппиусом, воссоздаётся облик выдающегося авторитетного учёного в области фольклористики. Приводятся факты его биографии: аристократическое происхождение, принадлежность клану поэтов и литераторов Серебряного века (А. Блок, В. Гиппиус, З. Гиппиус, Д. Мережковский), всестороннее образование (Тенишевское училище, Институт истории искусств, Ленинградская консерватория, Петроградский университет, музыковедческая аспирантура по классу Б. В. Асафьева). Полученное воспитание и образование обусловили высокие стандарты поведения и требований к исследователям фольклора. Критериями оценки личного потенциала для него были: наличие интонационного слуха – способности произвольно запоминать и воспроизводить записываемый

музыкальный материал, широкая образованность, знание источников по теме (сделанного предшественниками), владение иностранными языками. Роль Е. В. Гиппиуса в развитии отечественной этномusicологии во второй половине XX века рассматривается не только с позиции его личного вклада в науку как исследователя, разработавшего целый ряд методов, но и как организатора науки и создателя научной школы. Последняя реализовывалась в виде огромной сети представителей, разделяющих его принципы подхода к фольклору, в столице («гнесинская» школа), регионах России и в ближнем зарубежье. Учёный обладал широтой научных интересов не только в отношении проблематики исследований, но и в области этнических культур.

Ключевые слова: Е. В. Гиппиус, Серебряный век, этномusicология

About My Meetings With Evgeny Gippius

This article, written on the basis of memoirs of the artistic and friendly relations with Evgeny Vladimirovich Gippius, recreates the image of the outstanding authoritative scholar of folk music. It cites many significant facts of his biography: his aristocratic ancestry, his pertaining to the clan of poets and literati of the Silver Age (Alexander Blok, Vladimir Gippius, Zinnaida Gippius, Dmitri Merezhkovsky), an all-round education (at the Tenishev College, the Institute of History of the Arts, the Leningrad Conservatory, the Petrograd University, post-graduate studies in musicology with Boris Asafiev). The upbringing and education received by him conditioned the high standards of behavior and demands made on the researchers of folk music. The criteria of evaluation of personal potentials for him were: the possession of an intonational ear – the ability to remember involuntarily and to reproduce the written down musical material, a broad education,

knowledge of sources of the themes (made by predecessors), as well as knowledge of foreign languages. The role of Evgeny Gippius in the development of Russian musicology in the second half of the 20th century is examined not only from the position of his personal contribution to scholarship as a researcher, how developed a whole set of new methods, but also from the position of him being an organizer of a scholarly discipline and a creator of a school of research. The latter was realized as an immense network of representatives, who shared his principles of approach to folk music in the capital of Russia (the "Gnesins' school"), in the various Russian regions and in the countries of the "near abroad." The musicologist possessed a broadness of academic interests, not only in terms of the issues of research, but also in the sphere of ethnic cultures.

Keywords: Evgeny Gippius, the Silver Age, ethnomusicology

Рудиченко Татьяна Семёновна

доктор искусствоведения,
профессор кафедры истории музыки
E-mail: rostovfolkclub@mail.ru
Ростовская государственная консерватория
им. С. В. Рахманинова
Российская Федерация, 344002 Ростов-на Дону

Tatiana S. Rudichenko

Doctor of Arts,
Professor at the Music History Department
E-mail: rostovfolkclub@mail.ru
The Rostov State S.V. Rachmaninoff Conservatory
Russian Federation, 344002 Rostov-on-Don

